

УДК 159.9

Г. М. Шавердян

Психопатология личности и проблема зла. Часть 1

Аннотация:

Проблема зла, практически игнорируемая специалистами в области психического здоровья, достойна самого пристального внимания и изучения, поскольку стигматизация патологических личностей во многом обусловлена проблемой ответственности (или безответственности) личности за свою болезнь, которая может не принимать содержательной формы. Статья нацелена на прояснение соотношения между патологией личностного развития и проблемой зла. Посредством феноменологического анализа нравственное содержание психики описывается как зависимое или независимое от целого ряда жизненно значимых детерминант. Проводится сравнительное исследование психологических особенностей *Homo abnormalis*, *Homo normalis* и *Homo moralis* с точки зрения проблемы добра и зла. Описывается генезис психических заболеваний в виде последовательной цепочки причин и симптомов, рассматриваемых в свете антропософии.

Ключевые слова: добро и зло, детерминация развития личности, патологическая личность, свобода, эгоизм, познание.

Об авторе: Шавердян Гаянэ Михайловна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и социальной психологии Ереванского государственного университета, клинический психолог, психотерапевт; e-mail: gms17@yahoo.com

С чем имеет дело клинический психолог, наравне с патологией и психологическими проблемами психически здоровых людей? Что постоянно сопровождает его на путях понимания человека, обратившегося за помощью? Проблема зла, вечно игнорируемая и даже презираемая специалистами. Не будет преувеличением сказать, что одна из миссий клинического психолога и психотерапевта – взглянуть в его тайну и обозначить его границы. Основой зла, укоренившегося в патологии, выступает

эгоизм, разнообразно проявляемый в различных формах патологии. Именно он – неистощимый кормилец отклонений от нормы, даже в тех случаях патологии, когда, казалось бы, больной страдает сам, не доставляя вреда своему окружению.

Почему психология, фиксируя вредоносность, враждебность, злость и эгоизм патологических личностей¹, не удосуживается отнести проблему добра и зла к исследуемым категориям? Для среднестатистического психолога или «психолога-обывателя» эта проблема оказывается метафизической и, следовательно, бесполезной. Он склонен искать, исследовать и рассуждать обо всем, за исключением абсолютных истин или конечных целей познания психических явлений, для чего необходимо, помимо исследовательских процедур и рассуждений, по-настоящему мыслить. Но в пространстве психологии негласно существует табу на мысль. Само мышление, – как пишут Зинченко В.П. и Моргунов Е.Б., цитируя А. М. Пятигорского, – *объективно является провокацией и подстрекательством* [4, с. 10]. Ведь мысля, психолог не может спокойно продолжать процедуру дотошного подсчета, что нервирует его, поскольку притормаживает стремление скорее получить результат. К тому же исследователь может нечаянно натолкнуться на что-то неподвластное счету, например, на мораль, любовь или ответственность, а то и на собственную совесть.

Это добровольное самоограничение делает его не мыслящим, а до ужаса рассудительным, мотивирует на неосознанное бегство от узнавания, результатом чего становятся оторванные от жизни абстракции, затемняющие Я-сознание, но оберегающие от знакомства с самим собой, что чревато конфронтацией со своим «*infimum malum*» («низшим злом»). Исключение составляют практикующие аналитики, работа которых невозможна без проникновения в собственные устрашающие глубины. Ибо аналитик и пациент оказываются в заповедной зоне бессознательного, по мысли К. Г. Юнга, *перед лицом тьмы, таящей в себе демоническое начало*, для преодоления которого в подавляющем большинстве случаев им обоим не хватает познавательных сил [8].

Зачастую психолог не наблюдает значимых подвижек в человеческой морали ни в себе, ни в других, поэтому не идентифицирует эту область с наукой, в которую не входит не только бессознательное, но сознание и самосознание. Вопреки этому исследование взаимоотношений всех пластов психики приближает нас к пониманию проблемы добра и

---

¹ Хотя под термином «патологическая личность» обычно понимается личность с расстройствами личностного регистра, здесь и далее мы будем использовать этот термин, относя ко всем регистрам.

зла. По Юнгу, история земной цивилизации не дает оснований утверждать, что за последние пять тысяч лет человек сделал заметные успехи в совершенствовании морали, а человеческое сознание и его функции прошли весьма значительный путь развития [8]. Это значит, что необходимо подходить к проблеме зла не непосредственно, а с позиции «инструмента», опознающего, диагностирующего и противостоящего ему, т.е. с позиций возможностей, которые предоставляют человеку сознание и самосознание посредством мышления. Последние, если не ограничиваются измышлениями рассудка, опирающегося на бесконечную каузальность, примиряют природу вне и внутри человека и этим свершают и завершают мир.

К протагоровской максиме *«человек есть мера всех вещей»* можно добавить, что мера всех вещей в человеке – это его сознание. Сознание живет и возрастает за счет познания, в котором совершенствуется человеческое мышление, а деятельность познания следует рассматривать как естественный процесс, подобный росту растений, размножению животных и эволюции видов [1]. Отсюда следует, что познание и мышление сами по себе оказываются таким же объективным миром, как дерево или камень, с той лишь разницей, что представляют его высшую ступень.

Поэтому и стремление к морали сознающего и самосознающего человека должно быть рассмотрено не как усовершенствованная животная потребность, а как вершина природного, его суть и судьба. Предельно ясно это выразил Б. Паскаль: «Все тела, небесная твердь, звезды, земля и ее царства не стоят самого ничтожного из умов, ибо он знает все это и самого себя, а тела не знают ничего. Но все тела, вместе взятые, и все умы, вместе взятые, и все, что они сотворили, не стоят единого порыва милосердия, это явление несравненно более высокого порядка» [3].

Милосердие и нравственность не из области исчислимых детерминирующих факторов, но из сферы суровых истин: они есть или их нет. Их невозможно приладить ни к биологии, включая модель инстинктов Фрейда, приближающую человека к животному, ни к нейронаукам, приближающим человека к роботу. Указанные понятия находятся вне коммерции, социального дарвинизма, конкуренции или маркетинга, а тем более вне «свято» почитаемых статистических коэффициентов Пирсона и Стьюдента, отдаляющих от познания душевных явлений и здравого смысла. Эти субстанции имматериальны и свободны от обусловленностей и необходимостей, как свободен нравственный поступок человека, осознавшего его основание как истину и явившего миру свое ответственное,

индивидуальное *хочу*, не имеющее собственной «второй природы» или «теневого» противоположности.

Для примера: *обсессивный* невротик «изнасилован» ответственным долженствованием, *конверсионный* – безответственным хотением. Логика подсказывает, что психотерапевтическое решение заключается в сбалансировании долга и хотения, но, во-первых, такой баланс абстрактен и оторван от действительности – ведь невозможно определить точку его оптимума. Во-вторых, эти полюсы взаимозаменяемы и легко уступают место друг другу, а временный и неустойчивый баланс не дает достаточных оснований причислить его к категории нравственного.

С легкой руки К. Хорни, понятие «тирания долженствования» прочно вошло в число явлений, с которыми психологи перманентно воюют: «абаутизм» и «шудизм» в гештальттерапии, «*must-урбация*» в рационально-эмотивной терапии и пр. Отбрасывая долженствование, мир мгновенно погрязает в своей противоположности – хаосе поверхностных желаний. Можно предположить, что человек должен сам прийти к долженствованию, но здесь мы вновь наталкиваемся на скольжение по смыслам. Путевая стрелка, указывающая на ориентир в пространстве долженствования, не совпадает с самой дорогой: стрелка отдельно (*написано, что должен*), а дорога отдельно (*должен захотеть, потому что понимаю, что должен*). Налицо принуждение к морали, однако лукавство *хочу* разоблачается в тот момент, когда мы обращаем внимание на его генезис, заключенный в первоначальном *должен*, потому что необходимо самому прийти не к хотению, как второму пункту после долженствования, а к хотению как к первому и единственному!

В докладе на Антропософском конгрессе в августе-сентябре 1921 г. в Штутгарте Р. Штайнер рассматривал противоположность природного и морального объяснения явлений. В отношении природы в мире тотально представлено каузальное объяснение. Наука психологии продвигается, точнее сказать, топчется на месте благодаря именно этому принципу. Но где-то должна существовать сила, преодолевающая действие этой каузальности? Эта сила есть моральный мир, познаваемый в цельной природе человека, ибо в моральной, чистой воле человеческого существа мы видим нечто, что побеждает каузальность.

Плоды развития природы человека, – полагал Штайнер, – обнаружатся в будущем, но уже сейчас, при внимательном наблюдении, можно заметить реальность человеческой

воли, вступающей в союз с чистым мышлением, для которого нет коррелята в чувственном мире [6, с. 107]. «Чистым», потому что освобожденным от любых мотиваций и излюбленных учеными-психологами детерминант, включая бессознательные. Вслед такому мышлению идет «чистая» воля, которая ему родственна, поскольку так же индетерминирована. «Поступок, – считал Штайнер, – ощущается свободным, поскольку основание его явствует из причастной к идеям части моего индивидуального существа» [5, с. 145]. Непредсказуемость, если она есть, то только здесь, в этой мотивации, ее не встретить при любых других мотивах так называемой «нормальной» личности, а тем более в патологии. Окруженный детерминантами поступок не морален и содержит противоречие в самом определении, потому что всякая детерминанта или мотив, кроме побудительного мотива (*познал это как истину и хочу так поступить*) принуждает к поступку, а значит, не может идти речи ни о какой свободе и, следовательно, нравственности.

Не то же в случае психопатологии? Не действует ли патологичная личность необходимо и обусловлено, подобно животному или ребенку, бессознательно в своих намерениях? «Я – такой и точка», – одинаково заявляют психопат, невротик и психотик, что в переводе на язык психологии означает «Я детерминирован и точка»! Заблуждение возникает из-за кажущейся непредсказуемости поведения носителя патологии, но правда в том, что он-то как раз предсказуем, вариабелен по форме, и это касается как мыслей, так и поведенческих паттернов. Бред шизофреника настолько многовариантен, что некоторые исследователи говорят об «индивидуальном бреде». Такая иллюзия создается из-за акцента на фабуле бреда и приложения сознательных мерок к «продукции» бессознательного – за ними прячется предсказуемость, запрограммированность и необходимость, царящая в мыслях и поведении больного.

В случае психоза не имеет значения, поколотит ли шизофреник собственную бабушку, опрокинет стол или сиганет в окно; в случае конверсионного расстройства – выдумает ли дама влюбленность в нее соседа или то, что ее выгнали из дома; в случае эпилептического характера – увянет ли личность в этой или любой другой мелочи провоцирующего вида на фоне начавшейся дисфории. Главная необходимость – шуб (первичный приступ болезни), «выдумка» или дисфория, т.е. крайняя форма несвободы, а не вариант поведенческого паттерна.

А что в норме? Тут не больше варибельности: или природное, или социальное с соответствующими градациями сознательности или бессознательности. Патология высвечивает и проявляет так называемую «мораль» нормы, действующую по указке авторитетов социума, церкви или правил, почерпнутых из новостных лент, по лекалам извне привнесенного или по изнутри бурлящего «архаического» бессознательного, под нажимом природных импульсов и вожелений. При этом оба типа бессознательного (по классификации К. Уилбера) успешно притворяются сознательным содержанием психики. По Юнгу, взрослый человек говорит и делает вещи, о которых он только впоследствии узнает, что они означают. И все же он говорит о вещах и поступает так, как если бы он это делал осознанно [9, с. 96]. Это «как если бы» в увеличенном масштабе касается психопатологии с той лишь разницей, что в норме человек имеет шанс выйти из лабиринта обусловленностей и необходимостей в область свободы.

Как? Отказом от привнесенных общезначимых форм морали и самостоятельным, исключительно индивидуальным участием в освоении морального принципа. При этом идея поступка, добытая путем беспредпосылочного познания (или на языке гештальтпсихотерапии спонтанным «здесь и сейчас» осознанием (awareness)), может быть любой, но только не подневольной. «Но кто вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действии» (Соборное послание ап. Иакова, 1;25).

Сказанное не исключает процесса социализации как стадии развития, но указанный путь создаваемой человеком моральной нормы есть идеальный (в двух смыслах слова: как идея поступка и вершина нравственности) творческий акт и самый острый меч, преодолевающий зло. Социализация болезненным образом принуждает к переоценке ценностей. Дальше вырисовывается альтернатива: или тяжеломерно и дремотно оставаться под лоном социализации, где решения моральных дилемм находятся «на ладони», или отважиться идти «узкими воротами» и ориентироваться в них самому, находя идейное основание или «идеальное» данного поступка. «Личность, – писал Б. С. Братусь, – это инструмент по различению добра и зла. Но если погрузить это общее определение, непсихологическое, как мои коллеги скажут, в реальность, то личность – инструмент, который позволяет ориентироваться в пространстве нравственных ценностей. Ориентировка – одна из основных функций психики вообще...» [2].

Ничего из этого в психопатологии нет. Пациент даже не пытается ориентироваться в пространстве нравственных ценностей, а сразу отмечает их, не говоря уже об индивидуально и идейно выработанной норме, присущей только ему самому. Пред лицом такого волевого действия, который порожден исключительно любовью к поступку, все обусловленные «подставы» поступка становятся по-настоящему условными, вплоть до времени и ситуации. Словарь храмового искусства определяет «подставу» как вертикальную опору для навески ставень, дверей и ворот; устаревшее значение слова означает лошадей на пути следования, приготовленных для смены уставших; наконец, это слово употребляется в значении целенаправленного действия предательства и обмана.

Если личность не знает, как поступить, социализация обеспечивает ей убедительную опору для правильного решения, выбор лучшего из худшего, что делает, к примеру, личность с асоциальным пограничным расстройством. Но ухватившись за содержание социализации, возможно мгновенно заработать невроз, что мы наблюдаем у интроецирующей личности, которая по большому счету также асоциальна, поскольку придает этим содержаниям сверхценность, девальвируя окружающих. Мучительный нравственный выбор часто истощает психику, но на подхвате всегда найдутся отдохнувшие и откормленные «лошади», подставляющие, казалось бы, «новые» сознательные или бессознательные аргументы в пользу природного или социального. Наконец, эти обусловленности, часто под маской альтруизма, попросту «дурят» как человека, пытающегося осуществить нравственный выбор, так и исследователя.

Без особых усилий можно доказать точную противоположность любого вскрывшегося факта даже в рамках аналогичных исследовательских процедур, но особенно это выявляется при сравнении результатов исследования проективными и количественными методами. К примеру, в одной дипломной работе мы исследовали отношение женщин, страдающих бесплодием, обнаружив количественными методами громадное желание иметь ребенка и депрессию, а проективными – полное отсутствие мотивации и изменение настроения.

Это натолкнуло на мысль о нарушениях межличностных отношений в семье, мотивации и эмоций в плане амбивалентности, однако нарушений не обнаружилось. Ответ на вопрос, что здесь реально и что иллюзорно, подводит не только к выбору между количественными и проективными методами и их истинной валидности, но и к тому, на какую правду опираться: рационального или иррационального. Если правда так

называемого *сознательного* противоположна правде *бессознательного*, то логика психологических исследований напоминает потрясающий манифест дадаистов: «Говорить «да», значит, говорить «нет»»!

Не в последнюю очередь это происходит потому, что психологи привыкли делать ставку на интеллект, и даже умудрились тестировать бессознательные защитные механизмы количественным, рациональным методом! Интеллект в психологической науке есть фигура, все остальное – неосознанные содержания, переживание, воля, мотив, культурные и субкультурные наслоения и многое другое – только фон или фоновые помехи.

Из этой же серии: целая армия психологов трусливо считает трансперсональную психологию иллюзией, хотя трансперсоналисты не отрицают академическую психологию и успешно интегрируют позитивизм в себя, четко указав ей ее место: часть в факте и факт как часть, и все это как часть реальности, иначе запутываются начала и концы. В продолжение «серии»: говорить о христианской психологии многим психологам как-то неудобно, как если бы речь шла о чем-то неприличном. В итоге: к трансперсональной психологии приклеивается ярлык ненаучной и туманной мистики, к христианской – ненаучной и бездоказательной веры.

Коллизия не поддается сколько-либо приблизительному решению, если не обратиться к проблеме цели науки. Одно дело, когда предполагаемая цель – пробуждение духовного, преодоление чувственного и рассмотрение человека как ценности, другое – продвижение обманно-хозяйственной жизни, бездуховный и безлюбивый расчет, где можно доказать одновременно «за» и «против». Первое ведомо потребностью в познании из любви к нему, без цели получения выгоды, этакая характерная для детей «мечта-игра» в созерцание и переживание мысли с непременным уважением к индивидуальности. Второе – исследование человека без имени и биографии, раздробление времени на разрозненные фрагменты, соответствующие промежуточным операциям под знаменем «время-деньги».

Последнее приводит специалиста не к познанию в собственном смысле, а к слепому эгоизму и застреванию в своем эго. А что, если не это, бросается в глаза при психопатологии? Однажды некий герцог попытался затащить И. Гете в сумасшедший дом. «Я не имею ни малейшей охоты видеть тех дураков, которых запирают на ключ, ибо с меня довольно тех, которые ходят на свободе», – парировал Гете [7]. Изречено резко, но

отражает суть вещей. По сравнению с клиническим безумием, «повадки» психолога-исследователя считаются полной нормой. Но правда и в том, что психологи, постоянно механически считывая знание со среднестатистического человека, не проявляют интереса к реальному человеку, что называется «асоциальностью» и сопряжено со злом. Тупик методологических оснований психологии связан еще с одним пороком, одержимостью фокусами типа «скопус-покус» и «хирш-мирш». Эти ученые-«бюрократы» хорошо расположились в жизни, но так же, как и патологические личности, живут в иллюзиях о науке.

Разница лишь в том, что исследователь может ставить проблему и пытаться продвинуться в ее разрешении, а патологическая личность не ставит ее вовсе или считает ее решение безнадежным. Сила намерения познавать и преодолевать – единственный индикатор «нормальности», и дело не только и не столько в возможности зла, а в усилиях, направленных на его осознание и преодоление. При патологии эгоизм и ему сопутствующее зло настолько въедаются в личность, что злом признается все, кроме себя, даже в случае бреда самообвинения, поэтому о преодолении не может идти речи. Последнее предполагает разумность, что по Платону есть «знание о добре и зле», но патологическая личность всех регистров, по крайней мере до стадии психотического развала личности, отмечена рассудительностью, а суждения о добре и зле разума и рассудка различны, хотя могут совпадать по содержанию.

У больного шизофренией на начальных стадиях не столько *сон разума рождает чудовищ*, сколько их порождает логичный и холодный рассудок, а такие суждения ни при каких обстоятельствах, кроме интенсификации сознательности, не могут трансформироваться в разумные. Патологическая личность безвольно орудует отдельными понятиями, которые не доходят до объединяющей идеи; неконтролируемая рассудочность производит ассоциации по типу оперантного поведения и речь по типу «клише», а при галлюцинаторном восприятии – образы без осмысления. «Я», нарушенное в каждом случае патологии на свой лад, не защищает рассудок волевым контролем от механической комбинаторики рассудка, который не в состоянии исследовать самого себя, а также обеспечить безболезненные, т.е. подвижные переходы противоположностей.

Продолжение следует...

Библиографический список:

1. Бондарев Г. А. Импульс Антропософии между добром и злом. М: Энигма, 2022. 204 с.
2. Б. С. Братусь: «Личность – это инструмент по различению добра и зла» [Электронный ресурс] // Психологическая газета. Режим доступа: <https://psy.su/feed/11193/> (дата обращения: 15.10.2023).
3. Блез Паскаль [Электронный ресурс] // Цитаты известных личностей. Режим доступа: <https://ru.citaty.net/avtory/blez-paskal/?page=4> (дата обращения: 15.10.2023).
4. Зинченко В. П. Человек развивающийся. Очерки российской психологии / В. П. Зинченко, Е. Б. Моргунов. М.: Тривола, 1994. 304 с.
5. Штайнер Р. Философия свободы. Ереван: «Ной», 1993. 228 с.
6. Штайнер Р. Антропософия и мистерии нового времени. Ереван: «Лонгин», 2008. 207с.
7. Эккерман И. Разговоры с Гете. Ереван: «Айастан», 1988. 672 с.
8. Юнг К. Практика психотерапии. М.: «Издательство АСТ», 1998. 416 с.
9. Юнг К. Психология архетипа ребенка // Бог и бессознательное. М.: «Олимп», 1998. 480 с.

Shaverdyan G. M. Psychopathology of personality and the problem of evil. Part 1

The problem of evil, today almost ignored by specialists in the field of mental health, is worthy of the closest attention and study, if only because the stigmatization of pathological personalities is largely due to the fact that the problem of responsibility (or irresponsibility) of the person for his disease may not take any meaningful form. The article aims to clarify the relationship between the pathology of personal development and the problem of evil. Through phenomenological analysis, the moral content of the psyche is described as dependent or independent of a number of vital determinants. A comparative study of the psychological features of *Homo abnormalis*, *Homo normalis* and *Homo moralis* in terms of the problem of good and evil is being carried out. The genesis of mental illness is planned in the form of a consistent chain of causes and symptoms, considered in the light of anthroposophy.

Keywords: good and evil, determination, pathological personality, freedom, selfishness, awareness, unconscious.